

Лесков против Солженицына

Книгу Александра Солженицына «Двести лет вместе» стали бурно обсуждать сразу после того, как она была опубликована. «ОГ» планировала высказаться после выхода ее второго тома. Но накал дискуссий побуждает нас опубликовать сегодня это читательское письмо. Надеемся, что оно вызовет у наших читателей желание высказаться в свою очередь.

Новая книга А.И. Солженицына «Двести лет вместе» заранее была обречена на всеобщий интерес. Еще бы, писатель посвятил ее самой щекотливой теме всех времен – совместному проживанию евреев и коренного населения России. Он и сам подобрал обжигающий образ, объявив в предисловии: «Я не терял надежды, что найдется прежде меня автор, кто объемно и равновесно, обосторонне осветит нам этот каленый клин».

Каленый клин... Но об этом дальше. А вот насчет автора – так ли уж пристально Александр Исаевич высмотрывал предшественника, который «равновесно, обосторонне осветит» и т.д.? Или запамятовал нечаянно? Был такой автор, и тоже русский классик – Николай Семенович Лесков, создавший «Левшу» и «Очарованного странника». Его менее известная «Жидовская куырколлегия»

и некоторые другие произведения снискали ему репутацию антисемита. Однако же на крутом повороте истории, когда по югу России прокатилась волна погромов 1881–1882 годов, он сумел приподняться над быльм предубеждением и написал объемный, на пять печатных листов, очерк «Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу».

А теперь вернемся к Солженицыну и его «каленому клину». Кто раскалывал этот клин? Достаточно обратиться к первой же главе книги, и ответ ясен. Немного, конечно, виноваты поляки, но в основном – они те самые, которые брали у панов на откуп продажу водки и спаивали русского мужика. «И вот почему – узнаем мы наконец-то, – когда в 1648 году разразилось страшное восстание казаков под предводительством Хмельницкого, евреи, наравне с поляками, пали жертвой, погибли десятки евреев». И так «равновесно» изложено, что самый жестокий за всю историю погромщик, одним махом вырезавший около 100 тысяч евреев, превратился в народного мстителя. Было кому и за что мстить, прозрачно намекает писатель.

С первых же страниц повествования Солженицын проводит свою генеральную линию: евреи спаивали русский народ. В каждом отдельном случае, приводя какой-нибудь из собранных им документов (подбор которых остается на его совести), он вся-

только в 1919 году лесковский очерк был издан отдельной книжкой, тираж которой быстро разошелся и исчез с поверхности еще на целых 70 лет. Сокращенный вариант брошюры весьма нешуточно появился лишь в 1990 году в Москве.

За него это делает Лесков, славившийся на суждения всеми почтимыми русскими патриархами: «Развертываем дошедшие до нас творения св. Кирилла в XI веке и что же слышим: святой муж говорит уже увещавательные слова против великого на Руси пьянства; обращаемся к другому русскому святому – опять тоже Кириллу (Белозерскому) и этот со слезами проповедует русским униться от «превеликого пьянства». И, к сожалению, слово высокого старца не имеет успеха... Ужасно, но жд в том нима-
ло не повинен».

Свои цитаты Солженицын подкрепляет как бы убийственной правдой статистики, поражающей процентами еврейского влияния по частям винокурения. А Лесков снова выражает ему с позиции живого свидетеля того времени: «Но и статистика дает показания не в пользу тех, кто думает, что где живет и действует ев-

реи, там местное христианское про-
сто народье беднее. Напротив, ре-
зультат получается совершенно про-
тивоположный».

И прямым укором Солженицыну звучат слова Лескова: «Перенесение обвинения в народном распойстве на евреев принадлежит самому новейшему времени, когда русские, как бы в каком-то отчаянии, стали искать возможности возложить на кого-нибудь вину своей долгой исторической ошибки. Евреи оказались в этом случае удобными, на них уже возложено много обвинений, почему бы не возложить еще одного, нового? Это и сделали».

А Солженицын снова возвращается к своему лейтмотиву, и снова в манере беспристрастного изложения: «Влияельная в те годы газета «Голос» (известная в истории журналистики своим маxовым антисемитизмом, о чем автор умалчивает. – Г.З.) назвала еврейское шинкарство «язвой края, и при этом язвой неисцелимой». Для «равновесности» Солженицын ссылается на него самого И. Оршанского, который, по его мнению, «отвлеченно теоретически» берется доказать «неполной ви-
новность евреев». Какие доказательства приводит Оршанский в подтверждение хотя бы «неполной» их виновности, нам узнать не дано. Зато он

признает (вот тут писатель его, разумеется, цитирует), что «в еврейской торговле много обманов и что еврей барышник, шинкарь и ростовщик эксплуатирует бедное население, осо-
бенно сельское».

Словно именно Солженицыну и отвечает Лесков: «огульное обвинение всего еврейства в самом высшем обманничестве может представляться сомнительным. А тогда факт «эксплуатации» может быть принимаем за непрекаемый только теми, кто не боится ошибок и несправедливости против своего ближнего. Принадлежать к этому разряду людей надо иметь большую отвагу и очень сго-
ворчивую совесть».

Какую же надо иметь говорчую совесть, чтобы связать первую волну эмиграции евреев из России не с погромами и беспросветной «черной оседлости», а с реформами винно-водочной торговли, ущемившей интересы еврейских шинкарей.

«Именно с конца XIX века заметно усилилась эмиграция евреев из России, – заключает Солженицын. – Статистическую ее связь со введением казенной питейной продажи не устанавливают, но на то указывают эти 100000 отнятых заработка».

Из какого сора под неусыпным оком царской, а затем и советской цензуры произрастала в России лю-

Общая судя. – 2002. – 7 февр. – с. 10

бая статистика, хорошо известно. Но если очень хочется, то почему бы не воспользоваться, что и совершил Александр Исаевич. Лесков же с достоверностью очевидца опровергает и это: «Прежде всего стоит уяснить: какое соотношение представляет число евреев-шинкарей к общему числу евреев ремесленников и промышленников, занимающихся иными делами... Шинкарей многое менее, чем слесарей, пекарей и сапожников... В любом mestечке, где есть пять, шесть шинкарей, – все остальное еврейское население промышляет иными делами, и в этом смысле окольные жители из христиан находят в труде тех евреев значительные удобства не для пьянства. Евреи столярничают, кладут печи, штукатурят, малярят, портняжничают, сапожничают, держат мельницы, пекут булки, куют ложадей, ловят рыбу».

Что бы ни говорили Лесков или Солженицын о положении евреев в России XIX века, суждения их противоположны. Остается сожалеть, что газетная статья не способна вместить весь их «диспут», в котором лукавой изощренности Солженицына противостоят ничем не замутненная искренность Лескова. При этом первый упорно склоняет читателя к выводу, что евреи сами виноваты в ненависти к ним коренного населения.

Принимаясь за свой монументальный труд, А.И. Солженицын решил показать, что не так уж притесняли евреев в царской России, что если и было им плохо, то по их собственной вине, и что вообще виноваты они перед русским народом. Сказать об этом прямо вроде бы не к лицу маститому писателю и философу. Наверное, поэтому, читая одну страницу за другой, никак не можешь избавиться от ощущения так или иначе замаскированной предвзятости и косвенного, а иногда и прямого оговора.

Данная статья ограничена темой, которая перекликается с лесковским «Евреем в России». Остальные, не затронутые здесь аспекты книги Солженицына заслуживают подобной же оценки – касаются ли они чрезмерной тяги еврейской молодежи к образованнию, из-за чего якобы пришло ввести процентную норму, или непомерного участия евреев в революционном движении, из-за чего вроде бы и произошел октябрьский переворот. А также всего остального, ярко выраженного в известной частушке «если в кране нет воды...».

Провозгласив в свое время величавую заповедь «жить не по лжи», Солженицын, увы, сам же ее нарушил.

Григорий ЗЕЛЕНИН